

А
Р
К
А
Д
И
Я

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

АРКАДИЯ

книга новых стихотворений

В
Л
А
Д
И
М
И
Р
Г
А
Н
Д
Е
Л
Ь
С
М
А
Н

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІV

Возникновение

- Ты кто? - Я мисс. - Куда ты? - Я к тебе. -
Вот уж не звал. - А я из приходящих
без спроса - при еде или ходьбе.
Мне во сне. Подобно полынью,
неуроченная, - я не для хозяев.

- О чём ты? Печерка - твой не разберу... -
Я ни о чём. Я есть возникновение.
Так мёлковский вылезает на ветру
плещит флажок на утреннем смотру.
Запомни. - Что? - Прекрасное забвение.

- А незабвенное забыть? - Забужь. -
Откуда ты? - Я не рождалась. - Если
ты не рождалась, не к чему прильнуть. -
Ты видишь книгу? В ней сокрыта суть.
Читай вот здесь. - Поставь, пригвозди кресло...

Ты где? - Исчезла.

апрель 2014

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

АРКАДИЯ

книга новых стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІV

ББК 84.Р7
Г19

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 978-5-89803-240-1

© В. Гандельсман, 2014

1. ПРОЛОГ

Случилось — заплутал.
Лес ветви заплетал
и корни дыбил.
Страх душу выпил.

Зря (голос чувств умолк)
пантера, лев и волк —
втроём, поврозь ли —
кружили возле.

Ничем не соблазнён,
я был — ни явь, ни сон —
и слеп, и слаб, но,
сверкнув внезапно,

ночь повернула ключ —
звезды зажётся луч,
и, в строки вжатый,
возник вожатый.

2. РАССВЕТ

Небесные края
возделаны стремглав,
когда рассвет, поя
и вспаивая, прав.

Белеет парус, о!
Смочила кисть заря —
таможенник Руссо
ведёт учёт зверья.

И остро — уголь и уголь —
зелёный взгляд в упор
являет жала джунгль
и норов хищных нор.

А рядом рыбарей
вся в водорослях снасть —
святое всех зверей.
И отдыхает страсть.

3. ПИР

Источник чистый,
и все заботы —
хлеб золотистый,
сыры и соты.

День беспорочный.
Чтоб жизнь не гасла —
алтарь цветочный,
в сосудах масло.

Вино в кувшинах.
Разубран стол наш.
Разборчив в винах,
свой килик наполнишь.

Олив цветенье,
огонь, отвага,
к богам почтенье —
всё наше благо!

4. ЖИРАФ

Бесшумно, в тапочках ли бархатных,
из сонных грёз воспрям,
он выкроен из клеток шахматных,
рогатый граф.

Он долго пьёт, в поклоне свесившись
над лужицей простой,
а после, ломко в небо ввысившись,
стоит. О, стой,

как изваяние балетное,
под синевой творись!
Идея шеи абсолютная
простёрлась ввысь.

Нога танцовщика, стоящего
на четырёх руках
и тапочкой листву жующего, —
ты есть жираф.

5. ФЛЕЙТА МАРСИЯ

Врачевать — не дурачить,
повседневный язык
песнопеньем иначе
и лопатить, впритык

к темноте чернозёма
лопоча, лепеча,
добывая озона
чистоту, горяча

кровь, — от браги косяя,
в кривизне своей мудр,
Марсий, весь я в росе я
нарастающих утр,

из небесной аптечки
вылетают вослед
пенью Марсия птички
переливчатых флейт.

6. ВРАЗУМЛЕНИЕ ЮНОШИ

Пей, но в меру пей, не хлюпай
без конца, иль поздно я начал
наставлять тебя, отрок глупый?
Кто тебя нянчил?

Только не смешивай богами
с плотскими телами, ей богу.
Если пьян, иди лучше к маме.
Помнишь дорогу?

Не гордиться ей сыночком,
что такой стыд и срам слюнявит.
Ты прикрой голову листочком
фиговым — на-вот!

Или не ленись — работай
мозгами, чтоб не льнуть к заразе:
человекоподобный бог твой —
верх безобразья.

7. ВДВОЁМ

падает яблоко
следом поодаль
яблоко падает
ночь непогода ль
светится зелено
медленно гаснет
зелено светится
ночь ли ненастит
обняты спрятаны
спят они спят они
спрятаны обняты
первые опыты
там холоднее чем
в доме ничейном
чем холоднее там
тем горячей нам

8. БЕГЕМОТ

Горою вплюхнутость сама
в родную жижу,
я весь — не твоего ума,
и Бога вижу
хребтом, клыками, животом,
розово-смурой,
сине-зелёной, и притом
стальнойю шкурой.

Полдненным высвечен лучом
в Господнем доме,
я верх путей Его, о чём
не знаю в дрёме,
разлапый корифей рытья
в грязи разливов,
гигант библейского литья,
ревущий: «Иов!»

9. НА КУРОРТЕ

Сначала полунастоящий
и путающийся в плюще,
потом лепечуще летящий,
лепечуще, щебечуще...

Пока Швея, склонясь к лиману,
выводит солнечную вязь,
он принимает жизнь как ванну,
в шезлонге полуразвалясь.

Он смачно яблоко вкушает
и Еву потчует свою,
и змей парит, не искушает,
запущенный в его раю.

С брелком на загорелой шее
сидит, покорное Швее,
бездельничающее щее,
блаженствующее щее.

10. АНАКРЕОНТ

Не крикливым выскочкой —
явлен мне поэт
с виноградной кисточкой,
источая свет.

Машет ему лапочкой
над жилищем дым,
и ныряет ласточкой
ласточка над ним.

Воздух человеческий,
что ни шаг, то вдох,
лирик древнегреческий,
босоногий бог.

Виноградной косточкой
ты не поперхнись —
прогуляйся с тросточкой
и домой вернись.

11. ЧЕРЕПАХА

По-юношески, вплавь, изячно —
змея под панцирем-щитом,
вся — выпад зрения разящий,
с прорезанным улыбкой ртом, —

из глуби вод, по восходящей,
из водорослей, проблистав,
выносишься — и зной палящий
объемлет жарко твой состав.

Смотрю, уже единокровен
медлительности, и сполна,
с лихвой мой взгляд к тебе прикован,
когда на троне валуна

меж двух скорлуп ты вроде сердца
ореха грецкого, с лицом
усталым царственного старца,
отягощённого венцом.

12. НА РАВНИНЕ РАЯ

Росой облюбованный луг.
Как с плеч долой ночь...
К вожатому, оглядясь вокруг,
я обратил свою речь:

«Не сбиться бы, братец, с пути,
ведь разум мой спит
в необоримой беспечности.
Не грохнутья бы с копыт,

попав на такую стезю!»
И только что вскок
приплясывавший или вовсю
смеявшийся, он изрёк:

«Рай ровен. Куда ни ступи,
ни глянь — всюду рань
ранёхонькая. Росой кропи
счастливую глухомань».

13. С ФРАНЦИСКОМ

Пока передо мною слава
земли: огни костров пастушьих,
или вулканов не погасших
базальтовая лава,

или ресничное свечение —
ребяческие лица в хоре —
росы, и братство плоскогорий,
и рек-сестёр реченье, —

пока стрекочет сердце строчки, —
флотилия гусей летящих,
мальков ли филигрань в слепящих
лучах, — я с этой точки,

пока не досмотрю, не сдвинусь, —
парад деревьев воронёных,
и небо звёзд неосквернённых,
и всех цветов невинность.

14. ЖОНГЛЁР ПЕРЕД МАРИЕЙ С МЛАДЕНЦЕМ

Подбросить апельсин
в небесну синь,
за ним седьмой, а следом третий,
мозг жизни дольчатый,
кометы рыжих междометий,
ты их невольник, ты невольчатый
любви — подбросить и ловить,
и ломтик ласки улучшить.

Подбросить апельсин
в небесну синь,
за ним шестой, а следом пятый,
явь непочатая,
младенец вмиг розовопятый
разулыбался, в небо падая
из материнских лёгких рук,
святого безрассудства друг.

15. ЛЮБОВЬ

Пока эти двое идут,
не помня зачем и куда,
взяв первый редут
и дрогнули невода.

Пока воздух светел и пуст,
поодаль, не видящий их
в истерике куст
забился и стих.

Кто жизнь так усердно творит?
Стемнеет снаружи — смотри,
как свет озарит
раковину изнутри.

И будет стоять бастион,
под стрелами молний, в дожде, —
Святой Себастьян! —
неведомо где.

16. ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Всё, что есть на «л» — луч, любовь ли,
лилия ли, лань лесная, —
всё подобно сладостной ловле.
О, лови меня, оттесняя
к той ложбине... А эта стая
вздохов ли, облаков ли
надо мной! Надо мною будь, нарастая,
жарче крови и крепче кровли.

Обними меня! Кедр ливанский
несоизмерим с тобою —
так силен ты. Твоею лаской
не насытиться. Пусть тропою
зверь крадётся, готовясь к бою,
перед самой оглаской, —
твой язык... А теперь огласи трубою
плотский пир с беспощадной пляской.

17. ТВОРЧЕСТВО

Решимость, равная нелепости —
исчезнуть, чтоб явиться миром:
луна, вращает пальма лопасти
под ветром, точно это мельница,
поэт бежит Гвадалквивиром,
пёс метит местность, лучник метится,
летят стрижи, дымятся пропасти, —
виждь, это даром.

Леса, как воины и крепости,
стоят под громовым ударом,
стать львом в оскаленной свирепости,
мечтой, что мается и мечется,
счастливым сном, ночным кошмаром,
в конце концов вочеловечиться —
зачем? Теперь шагни без робости
и стань простором.

18. ИЕФФАЙ

За ним — ещё он молод! — шлейф побед,
и зависть-жало,
и слава... Женский силуэт
мелькнул — он вздрогнул, пробежала
предчувствием дурная дрожь.

Безумный выдох Иеффая:
— Ты кто такая?
— Я дочь твоя, отец, не узнаёшь?

Секунда пепла.
Где всё, что в нём, как в горне, крепло?
Задохся в горле клочковатый крик.
Она увидела: стоит старик.
Гром, остановленный на пепелище,
в грязи и глине.
Безродный нищий.
Святой? Отца в нём не было в помине.

19. БЕССМЕРТИЕ

Вот он выныривает из-
за поворота,
как бы на бис
из-за кулис —
на лбу накрапом бисер пота, —
он смотрит ввысь —
ликуй: есть пятница, суббота
и воскресенье. Горе, брысь!

Бегут по небу облака
в начале мая,
свежа река,
и жизнь легка,
и это папа мой, — взлетая,
горит строка! —
навстречу — мама молодая.
Они бессмертные пока.

20. НАЧАЛО

есть бронза брызг
в лазурь ларца
слизь заперта
глазастый щуп
приплюснут писк
субстрат творца
есть тёрка рта
радулозуб
кальцит и плеск
мол мел лузги
есть узкий свет
который узк
есть мель и блеск
зажат в тиски
двух стен и след
и слизь моллюск

21. БУДДИЙСКИЙ МОТИВ

Сказал бы ты: «Вот, на свете я
в гнездо многожильное свился», —
когда б из неведенья
себя самого не явился?

И если так тебя начали
(без спроса и вдвинули в разум),
то значит ли, значит ли,
что *есть* ты и *нет* тебя разом?

Чуть найденный на скрещении
сознаний, в пелёнках орущий,
ты и прекращение
себя в уникальности сущей.

Столь явленная исчерпанность —
не лишь моментальность живая,
но и предначертанность
твоя и свершённость без края.

22. ДАВИД СЛАВИТ

Эта твердь,
небо ночей и дней, —
проповедь,
проповедь славы Твоей.

Этот день
речью впадает в день,
а ночная сень —
тишиною — в ночную сень.

Солнцу знак
подал — и в небесах Твоих
оно засияло, как
в брачных чертогах жених.

Свет лучист.
Звёздам нет числа.
Страх Твой чист.
Заповедь Твоя светла.

23. ВОЗНИКНОВЕНИЕ

— Ты кто? — Я мысль. — Куда ты? — Я к тебе. —
Вот уж не звал. — А я из проходящих
без спроса — при еде, или ходьбе.
Или во сне. Подобно голытьбе,
непрошенная, — я не для желающих.

— О чём ты? Почерк твой не разберу... —
Я ни о чём. Я есть возникновение.
Так шёлковый внезапно на ветру
плеснёт флажок на утреннем смотру.
Запомни. — Что? — Прекрасное забвенье.

— А незабвенное забыть? — Забудь. —
Откуда ты? — Я не рождалась. — Если
ты не рождалась, не к чему прильнуть. —
Ты видишь книгу? В ней сокрыта суть.
Читай вот здесь. — Постой, придвину кресло...

Ты где? — Исчезла.

24. МЕТАМОРФОЗЫ

Всё, что бесследно
в сети уловлено,
истинно свет, но
не обусловлено.
Не протяжённость,
не притяжение,
ни отражённость,
ни отторжение.
Сна не избегли,
яви, всё — невидаль:
таянье, снег ли,
облако ль, дерево ль.
Молний и лилий,
раннего моря ли
свет не продлили
и не оспорили.

25. НА ПОВОДКЕ

Остальное время
гулять с собакой,
глядя, как, ослепительно рея,
летят облака.

Поводок — только повод,
чтоб увидеть в строке,
кто на чьём поводке.
Остановлен ли, крутится ворот?

Так не видит различий
между небом и небом взгляд птичий,
день за днём
пролетающий тем же путём.

На осколок блюдца
засмотреться в ручье
и забыть, как вернуться
и зачем.

26. РОСПИСЬ НА ВАЗЕ

Когда вращаются колёса
океанических глубин
и над поверхностью белёсой
слетает с обода дельфин,
за ним другой — как за иглою
игла, скользя, сшивая две
стихии выгнутой игрою,
с летучей рифмою в родстве, —
я вижу берега Коринфа
с накатом лёгких пенных волн,
где за изменчивою рифмой
поэт, беспечной веры полн,
охотится, — свежо и рано,
дельфины мчат на всех парах,
и за спасенье Ариона
я их спасу в своих стихах.

27. КАДР С ПОВТОРОМ

Ниоткуда подует, и двор
покачнётся, и резко
в распахнувшийся створ
выбросится занавеска.
Тут как тут шелкопряд
тутовый, и сквозь ветки
вдруг просыплется град,
застучав по беседке.
Среди ясного неба
град в июне! Замру
и секундную стрелку
умолю, узаконив игру,
повторить... Ветер, двор,
и тряпица проворно
в распахнувшийся створ
выбросится повторно.

28. РИФЕЙ

Ядовитоязычные змеи обвили шеи
всех троих (по числу «петель» в «Лаокооне»).
Нежной ночью отряд отборный
из утробы дубовой вылез, и дрогнул город.

Предо мною, как на ладони Вергилия,
запылавший Пергам предстал, где скворечник
сердцевитая птица облюбовала.
Но горел Приамов дом, и она задохнулась.

Если бы не юный Рифей прекрасный,
в одиночку вышедший на данайцев,
чем бы мы пустынные наши палаты
оправдали и череду чертогов от гари чёрных?

Всё списали бы на богов беспощадных
и обитель Орка, которой обречены живые.
Но каков Рифей, не сказавший: гибнуть,
ничего великого не свершив, не время?

29. СЛОН

Почтальон пыли.
В почтовых сумках
ушей — поле
сражения. В сутках

топота — опыт
слонянья. Трубный
воздет хобот.
Столетия крупный

валун. Ганнибал.
Гималаи. Сон.
Сна сеновал.
Если же вознесён

рассвет и льётся
на слоистый склон
с небес слонце,
просыпается слон.

30. В ШВЕДСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Розы, выросшие на камнях,
остров роз,
запах спящего дерева в церквях,
детский Христос,
созданный не Отцом,
а плотником, Его отцом.

Шёлк бабочек, шёлк, шёлк,
знающий в лепетанье толк.
На щеках прихожан
отсвет земляничных полян.

Там, где к ночи густеет замес
волн морских
и, под стать им, мускулистых небес,
голос не стих
твой и взгляд не исчез, —
нет исчезновенья чудес.

31. ГОЛЬФИСТКА

Гольфистка в замахе (сострим
прицельно, сиречь:
под гульфиком хочет гольфстрим
наружу истечь) —

гольфистка-юница стоит —
а юбочка столь
на ней коротка, что теснит
подъятая боль, —

и вот из строфы глянул граф —
он ей гибеллин, —
и катится шарик меж трав
одной из долин, —

и где-то поёт гондольер
и правит свой путь
вдоль шельфов и солнечных шхер.
О лунка, ты суть!

32. ДАВИД БЛАГОДАРИТ

Блажен, кому отпущены грехи,
кто Господу, что новые мехи.

Дух взаперти пытал меня, как гость
из преисподней, сохли кровь и кость.

Так тяжела была рука Твоя,
что я открылся, грех свой не тая,

до глубины, и Ты, склонив Твой слух
ко мне, освободил скорбящий дух

для радости. Пусть праведник творит
молитву и Тебя благодарит.

«Я вразумлю тебя — в Моих руках
твой путь, не попирай себя, как прах.

Не будь, как необузданный лошак,
чтобы уздой Я сдерживал твой шаг».

Путь нечестивого — греховный тлен.
Ты ж, праведник, пой Господа, блажен.

33. АПРЕЛЬ

Исчезновенья чистый отдых.
Пока глядишь куда-нибудь,
трамвай, аквариум в Господних
руках, подрагивает чуть.

Есть уголки преодолений,
где можно преклонить главу,
и солнца крапчато-олений
узор, упавший на траву,

и есть под шапкой-невидимкой
куста прозрачная весна,
внезапно розовую дымкой
осуществившаяся вся.

Апрельский замысел так тонок,
что крошечных двух черепах
смеющихся везёт ребёнок
с аквариумом на руках.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Пролог	5
2. Рассвет.....	6
3. Пир	7
4. Жираф.....	8
5. Флейта Марсия.....	9
6. Вразумление юноши.....	10
7. Вдвоём	11
8. Бегемот.....	12
9. На курорте.....	13
10. Анакреонт	14
11. Черепаха	15
12. На равнине рая	16
13. С Франциском	17
14. Жонглёр перед Марией с младенцем	18
15. Любовь	19
16. Песнь Песней	20
17. Творчество.....	21
18. Иеффай	22
19. Бессмертие	23
20. Начало.....	24
21. Буддийский мотив	25
22. Давид славит	26
23. Возникновение.....	27
24. Метаморфозы.....	28
25. На поводке.....	29
26. Роспись на вазе	30
27. Кадр с повтором	31
28. Рифей	32
29. Слон	33
30. В шведской деревне	34
31. Гольфистка.....	35
32. Давид благодарит.....	36
33. Апрель	37

Г19

Гандельсман В. Аркадия. Книга новых стихотворений. —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2014. — 40 с.

ISBN 978-5-89803-240-1

ББК 84. Р7

Гандельсман Владимир Аркадьевич
Аркадия
«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2014

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»
191186, Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, 12

Тираж 300 экз. Заказ № 59
Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»
190026, Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86
Тел.: (812)322-6843

ПУШКИНСКИЙ ФОНД